

Семен Злотников

ИСКУС

Действуют:

Петр – 42 лет

Ольга Андреевна – 36 лет

Илья – 16 лет

Маруся – 28 лет

«Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мория, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе...»

(Бытие, глава 22)

«По вере вашей да будет вам» (Матф.9:29).

*«И Авраам свой нож с коротким жалом
достал (почти оттуда, где уснул
тот нож, которым хлеб резал он в доме...)
"Ну что ж, пора", - сказал он и взглянул:
на чем сейчас лежат его ладони?
В одной - кинжал, в другой - родная плоть.
"Сейчас соединю..." - и тут же замер,
едва пробормотав: "Спаси, Господь". -
Из-за бархана быстро вышел ангел».*

Из поэмы Иосифа Бродского
«Исаак и Авраам»

Картина первая

*Вечер. Жилище. Совсем небогатое. Серых тонов стены, разрисованные странными детскими рисунками; старая мебель (отнюдь не старинная!) поры середины 20-го века: два обшарпанных кресла, журнальный столик со стопкой книг; странного вида торшер, похожий на старое дерево; допотопных времен телевизор; на полу старый выцветший ковер. Тусклость картинке неожиданно оживляет прибранный красной скатертью стол, на котором – живые цветы, вино, шампанское, торт. Из прихожей доносятся голоса. Появляется **Илья** в порванной куртке, с чемоданом в руках, с синяком под*

глазом. Опускает чемодан на пол, направляется к двери в спальню, тихо зовет: «**Оля, ты спишь?**» Нет ответа. Входит **Маруся**. Почти на сносках.

Илья. Проходи, не стесняйся, ты дома... (Забирает у нее из рук сумку.)

Маруся(цепляется за него). Илинька, ой...

Илья. Сказано – дома ты!

Маруся. Илинька, ты не так быстро, головка кружится... (Смеется). Сейчас отдышусь...

Илья. Дурацкий лифт, никогда не работает, когда надо... или, когда ему надо – работает, можно и так... (Направляется на кухню.)

Маруся. Ты куда? Ну-ка, дай поглядеть...

Илья. Я в порядке...

Маруся(удерживает его). Да уж после такого, не ври... Не вертись, я сказала...

Илья. Чего, я нормально, зачем?..

Маруся. Под глазом фингал – вот затем...

Илья (улыбается). Пропустил, ну, бывает, чего?..

Маруся (осторожно касается его щеки, нежно целует). Заступник ты мой ненаглядный, мальчишка любименький мой...

Илья. Я только умоюсь, присядь...

Маруся (удерживает). Тебе обязательно было, скажи?.. Их – трое амбалов, и ты один...

Илья. Пузатой тебя обозвали...

Маруся. И что? А я не пузатая разве?

Илья. Ты не пузатая.

Маруся (смеется). Как же, конечно, пузатая есть!..

Илья. Ты – самая прекрасная женщина на свете, которую я люблю, и которая носит под сердцем...

Маруся (*растроганно*). Мой Илинька, мой... Мой любимый, мой самый хороший...

Илья. Да, и я не сопляк-головастик...

Маруся. Мужчина!.. Мужчина, мужчина!.. Как ты, не встречала, таких больше нет!.. (*Заметив его смущение.*) Я серьезно!

Илья. Да ладно... Я, в общем... Короче, ты дома, мы дома – еще повторять?.. (*Хочет уйти, и снова она его останавливает.*)

Маруся (*шепотом*). Постой, погоди, я чего-то... Волнуюсь я, Илинька, правда...

Илья (*тоже шепотом*). Просил же...

Маруся. Чего-то как будто не знаю... Как будто не знаю, неловко как будто...

Илья. Я тысячу раз повторил – ты по опять....

Маруся. Робею, как девочка – ужас...

Илья. Увидишь, поладите вы... Ты ей понравишься – так что... Она тебе тоже – уверен...

Маруся. Ты это, ты – правда?..

Илья (*с улыбкой*). Я это, я – в общем, не дрейфь... (*Уходит.*)

Маруся *стоит, озирает жилище. Нагибается, было, чтобы снять обувь – заметно, ей трудно. Направляется к креслу. Садится, развязывает шнурки. Возвращается Илья.*

Илья. Еще чего, ноги снимать!

Маруся. Я же с улицы...

Илья. Я тут команду, стоп! (*Становится на колени, надевает ей обувь.*) Все хотел, не успел повесить табличку на двери: «Личная просьба уборщицы: не уважайте мой труд – труд уборщицы!»

Маруся (*целует ему руку*). Ты моя лучшая в мире уборщица!

Илья. Мой...

Маруся (*смеется*). Мой уборщица, так даже лучше!

Илья. Человек в потертых носках выглядит жалко и звучит не гордо!.. (*Поднимается с колен.*) Мне лишний раз проще тряпкой махнуть, видит Бог!

Маруся (*с нежностью смотрит на юношу, тянется к нему рукой*). Он тоже, наверное, видит, как мне с тобой хорошо...

Илья (*отвечает рукой*). И мне... Он все видит...

Тишина.

Маруся (*морщится*). Спина – как чужая, гляди-ка...

Илья. Ко мне, там приляжешь, айда... (*Тянет ее за собой.*)

Маруся. Пстой, не тащи, погоди... (*Осторожно поглаживает живот.*) Все так странно, подумать, Илинька: наш малыш, по виду, малюсенький, а по ощущению – такой... такой...

Илья (*рассеянным взглядом оглядывая жилище*). Нормально, мой сын...

Маруся (*с любовью глядя на Илью*). Что, признайся, гордишься?

Илья. А то...

Маруся. Ты, Илинька, сам еще у меня мальчишечка...

Илья (*подбирает старый плед с кресла, снова становится на колени и бережно укрывает свою женщину*). А кто, интересно, говорил: что то, что мы видим – не обязательно есть то, что мы видим?

Маруся (*ласкает его*). Поцелуй меня крепко – как в песне поется...

Он целует ее.

Бе-са-ме му-чо, еще попрошу... Илинька, му-чо...

*Он целует еще, как просила. На мгновение появляется **Петр**, в облачении послушника православного монастыря. Впрочем, завидев **Илью** и **Марусю**, скрывается.*

Больше всего я на свете боюсь – вдруг, нас с тобой разлучат...

Илья(*целует ее*). А кто говорил: пусть только попробуют?

Маруся. Может, зря ты меня потащил сюда?

Илья. Тебя погнали с квартиры, забыла?

Маруся. И что?

Илья. За кутежи, между прочим, разврат и совращение малолетних...

Маруся (*смеется*). Это все про меня?..

Илья. Я и Оле, примерно, сказал: так, мол, и так! Она сразу сказала: раз так – приводи!

Маруся. Привыкнуть не могу, что мать называешь по имени...

Илья. Ты что, она выглядит!.. Мы с ней, как брат и сестра – для тех, кто не знает... Я выгляжу старше, увидишь...

(*Показывает на празднично убранный стол*). Она нас ждала!

Маруся. Может, было бы лучше, потом заявиться к ней с маленьким Илинькой, жутко похожим на папку?..

Илья. Как ты знаешь, что он будет жутко похож на меня, а не на тебя?

Маруся. Я же ведьма – не понял еще?

Илья (*целует ее*). Я запомню...

Маруся (*целует его*). Противная, вредная, злющая...

Илья (*целует ее*). Самая-наисамая...

Маруся (*льнет к нему*). Люди скажут: втюрилась старая дура в младенца пятнадцати лет...

Илья. Шестнадцатилетнего мужчину, между прочим!

Маруся. Мозги потеряла, скажут, забыла про стыд...

Илья. А я думал, по правде, из нас двоих ведьма – я...

Маруся (*счастливо смеется*). Ведьма я, ты – ведьмак!.. Я тебя колдовала, а ты меня околдовал!..

Илья(*обнимает ее и целует*). Сегодня мой день, ты забыла?

Маруся. Сдавил, мама, мама моя... Я дышать не могу... Ты хотя бы ей все рассказал про нас?

Илья. Все!

Маруся. И сколько мне лет – рассказал?

Илья. Да я с этого начал.

Маруся. И сколько, сказал?

Илья. Девяносто четыре.

Маруся (*смеется*). Не ври, я серьезно...

Илья. Я счастлив – а ты?

Маруся (*смеется*). Вот сейчас замычу – му-ууу...

Илья. Му-ууу!..

Маруся. Я даже боюсь подумать, как я счастлива...

Илья. Думать не надо, не думай... Подумал – не сделал... (*Целует.*) Софокл сказал... Нет, Шекспир...

Маруся. На месте бы матери – даже не знаю, как я бы... Представила просто, как наш маленький Илинька приводит к нам женщину на 12 лет старше себя и говорит...

Илья. Мама, я жить без нее не могу!

Маруся. И что я в такую минуту почувствую – просто мне интересно?

Илья(*поднимается сам и тянет ее за собой*). Чувство глубокого удовлетворения!

Маруся. Нет, я серьезно... (*Смеется.*) Куда ты меня тащишь?

Илья. Сынок весь в папашу, придется признать...

Маруся (*хохочет, счастливая*). Нельзя, дурачок, нам нельзя...

Илья (*целует ее*). Если хочется очень – то можно...

Маруся. Тебе очень хочется?

Илья. Жуть, помираю...

Маруся (*целует его*). Скажи, от любви...

Илья (*целует ее*). От нее...

Маруся (*целует его*). Вот и мне – от нее...

*Из спальни на свет является **Ольга Андреевна**. Траурно выглядит: черное платье, черные чулки, черные туфли. На лице тонна пудры, огромные глаза очерчены черной тушью, рот – черной помадой. И сильно пьяна. Останавливается и мутно, трагично и явно без одобрения обзирает влюбленных.*

Илья (*наконец, замечает мать, радостно обнимает*). Оля, привет, а мы тебя звали!.. (*Ласково тормошит.*) Ну, что с тобой, ма?.. Что ли, выпила, эй?.. А ну, посмотри мне в глаза... Как ты учила меня, когда я был маленький? Ну-ка, ну-ка, не прятать глазенки! (*Смеется.*)

Ольга Андреевна *смотрит на сына глазами, полными слез.*

Что такое? Ну, что?.. Извини, добирались... Метром забоялся, подумал, Марусю толкнут... Схватили такси – мы пешком бы скорее... Оля, Москва, ты же знаешь... Держись за меня... Ты держись, не царапайся... (*Подводит мать ближе к **Марусе***). Моя девушка, Оля, Маруся, моя... Оля, слышишь?..

Ольга (*повторяет с пьяной членораздельностью*). Дзевушка...

Дзевушка...

Илья. Оля, пожалуйста...

Ольга (*повторяет с тем же нажимом*). Дзевушка...

Маруся. Здравствуйте, мама... Ольга Андреевна...

Илья (*осторожно*). Можно без отчества... Оля, скажи?

Ольга. Да, можно сразу по морде... (*Подставляет лицо*.)

Илья. Ма, зачем?..

Маруся. Я вот шла и, как чувствовала, будет приемчик...

Ольга. Да бей, не стесняйся...

Маруся. Лучше вы первая лучше, а я после вас...

(*Подставляет свое лицо*.) Вам с какой стороны поудобнее будет – с левой? А, может быть – с правой? (*Вертит головой*.) Я – пожалуйста, только скажите...

Илья. Маруся, хоть ты...

Маруся. Вот только, пожалуйста, не по животу...

Ольга. Лучше сразу убей меня, да...

Илья. Ты мне обещала...

Ольга. Пускай убивает... Хотя бы на том свете мне будет не так...

Илья. Ты мне обещала...

Ольга. Илюшечка, мальчик мой, жизнь моя... (*Медленно сползает на колени и обнимает **Марусю** за ноги*). Отпусти ты его, Христа ради? Сына моего единственного?

Илья. Ма, ты все портишь, не понимаешь?..

Ольга. Он же мальчишка, дурачок... Он только с виду большой, а на самом-то деле – маленький дурачок...

Маруся. Так и знала, я так...

Илья и Маруся пытаются поднять с колен женщину, но она не сдается, а только крепче цепляется за марусины ноги.

Все, что хочешь, бери, только его не забирай... Оставь мне его, у меня, кроме него, никого нет... Никого нет, никого нет, никого нет...

Тут Маруся теряет равновесие, Илья едва успевает смягчить ее падение; Ольга Андреевна, кажется, с горя, потеряв разумение, принимается колотить беременную гостью.

Я говорю тебе, нет никого!.. Понимаешь, когда никого?..

Маруся (прикрывается, как может). Я ему говорила, но он же не слушал...

Ольга. Ребенка, ты, подлая тварь, моего... Он ребенок еще, как ты можешь?..

Илья. Оля, зачем?

Маруся. Я – зачем?..

Илья. Что ты делаешь, Оля?.. (*Отдирает мать от Маруси.*) Ты убьешь ее, разве так можно?.. Она тут при чем, я тебе говорил!.. Это я, не она!.. Наоборот!.. Наоборот все, поверь!..

Ольга (лежа плашмя и колотя кулаками по коврику). Сына моего единственного... свет мой единственный... жизнь мою, жизнь...

Илья (*помогает подняться возлюбленной*). Маруся, она... Не сердись, ты в порядке?..

Ольга. Ты – мою жизнь!..

Маруся. Я тебе говорила – как знала...

Ольга (*в бессилии бьет кулаками по коврику*). Жизнь мою!..

Маруся. Вот так вдруг убьют, проклянут и – сама виновата...

Илья. Маруся, прости ее, ладно? Простишь?..

Маруся. Она – мать... Мать всегда, я тебе говорила... (*Оправляясь и пошатываясь, направляется к выходу.*)

Илья (*догоняет, помогает надеть плащ*). Сто лет не пила – вдруг, опять развязала... И надо, сегодня, как раз... Да, Маруся, останься, забудь... Да, Маруся, куда ты?..

Ольга. Вот жизнь!..

Маруся. Мать, оставайся, пойду... Так и надо мне, так мне и надо...

Илья. Куда ты пойдешь?

Маруся. Так мне надо, сама виновата... (*Уходит.*)

Илья. Черт, черт!.. Да куда мы пойдём, как ты сможешь?.. Маруся, стой!.. (*Подхватывает чемодан, скрывается следом.*)

*Еще какое-то время **Ольга Андреевна** горько всхлипывает. Постепенно стихает. Свет в жилище меняется. Возникает **Петр**. Стоит, прислушивается. Замечает женщину на ковре. Медленно опускается возле нее на колени, долго вглядывается. Шепчет: «Милая моя... милая моя...» и осторожно, робко, едва прикасаясь, целует ей руку, локоть, плечо... Неожиданно женщина стонет и крепко его обнимает, и привлекает к себе, и осыпает поцелуями. Постепенно безмолвие ночи, как*

оживляется, бессмысленным бормотанием двух любящих существ...

Петр. Олюшка... Оля...

Ольга (*томно*). Ах, Петр...

Петр. Господи, как стосковался...

Ольга. И я...

Петр. Милая... милая моя...

Ольга. Петя, Петенька...

Петр. Хорошая моя...

Ольга. Ты хороший...

Петр. Я ничего не забыл...

Ольга. Я все помню...

Петр. Я так люблю тебя, я так люблю...

Ольга. Где ты был так долго?..

Петр. Молился за вас...

Ольга. Илюшечка вырос, пока ты молился...

Петр. Олюшка, Оля, хорошая моя... обними меня крепко и держи... и больше, пожалуйста, не отпускай... Олюшка... Оля моя...

Ольга (*вдруг, словно очнувшись*). Нет, мужчина, пожалуйста, нет... (*Отталкивает, отползает.*)

Петр. Олюшка...

Ольга. Полно, мужчина, зачем вы меня, я – не надо...

Петр. Да я не мужчина...

Ольга. Сколько есть молодых...

Петр. Ты – моя...

Ольга. ...А я не такая... Не понимаю я – я не такая... Пожалуйста, не понимаю, мужчина... Я-я... (*Поднимается, пятится, бормочет.*) Помогите... Илюшечка, где ты, сынок?.. Спасите меня, люди добрые...

Петр(*стоя пред нею на коленях*). Олюшка, тише, прошу тебя, милая... Петр я, Петр, ах, что же ты, совсем не узнаешь меня? Петр...

Ольга. Какой еще Петр?..

Петр. Муж твой, Олюшка, драгоценная ты моя...

Ольга. Умер мой муж...

Петр. Я живой...

Ольга. Нет, вы – нет...

Петр. Не гони меня, Олюшка, я... Я от Бога твой муж, погляди хорошенько... Я – Петр, вернулся...

Ольга (*мучительно вглядывается в лицо пришельца и кажется, что узнает*). Петр...

Петр. Я... Я, Олюшка, я...

Ольга. Как же так?..

Наконец, она медленно, нетвердо ступая, приближается к нему и опускается возле него на колени. Так они и стоят друг возле дружки, не в силах двинуться или слово произнести.

Петенька... Петя... (*Буквально обрушивается на него всей своей тяжестью, валит на ковер, обнимает и плачет.*) Живой, слава Богу... Да, Петя, живой... Да зачем же ты так?..

Петр (*тоже плачет*). Оля... Олюшка... Оля...

Ольга. Давно попрощалась с тобой...

Петр. Ты прости...

Ольга. Ах, Господь уберег... (*Кому-то там, наверху.*) Ах, спасибо, спасибо...

Петр (*хрипит*). Пожалуйста, Олюшка...

Ольга. Миленький мой...

Петр. Ты прости...

Ольга. Наконец-то, вернулся ко мне, ты вернулся...

Петр (*похоже, задыхается*). Ну, да, я вернулся... Прости, тяжело мне, прости... Чего-то дышать не могу...

Ольга. Что болит? Где болит, говори?..

Петр. Ох, пожалуйста, Оля... Не то, чтобы мне неприятно... Пожалуй, что очень приятно, вот только... Прости, тяжело дышать...

Ольга. Ты дыши...

Петр. Не могу... Бога ради, прости...

Ольга (*отстраняется*). Ты прости...

Петр (*неловко смеется*). Вот... так легче... чего-то... чего-то...

Ольга. Я тяжелая, да? Растолстела, обрюзгла...

Петр. Нет, Оля, нет, просто я... Вот, похоже уже не тот...

Ольга (*тоже глядит на него и смеется*). А ты тоже хорош, я подумала, снишься...

Петр (*тоже улыбается*). Не удержался, прости... Упал, как снег на голову...

Ольга. Сказал бы – кирпич...

Стоят, держатся за руки, молчат.

Петр (*наконец*). Илюше сегодня шестнадцать лет...

Ольга. Помнишь...

Петр. Большой уже...

Ольга. Да...

Петр. Поздравить хотел...

Ольга. Спасибо...

Петр. Я думал, оставлю подарок на лестнице и уйду... Дверь не заперта, вдруг... Сам не знал, что войду...

Ольга. Вошел... в первый раз за шестнадцать лет...

Молчат, улыбаются, лица полны печали и нежности.

Петр. Вчера я, признаться... Ну, в общем, позволил...

Ольга. Ты прежде не пил...

Петр. Мой сын родился...

Ольга. А я тоже – сегодня... Позволила, видишь...

Петр. Получается, оба позволили...

Ольга. Да, получается...

Молчат.

Петр. Страшно, Господи...

Ольга. Что ты сказал?..

Петр. Представил, закрою глаза – потом открою, а тебя нет...

Ольга (*обнимает его*). Тогда лучше – не закрывай...

Петр. Чувство такое – как будто меня отключили на целых шестнадцать лет... где-то валялся, забытый и брошенный, пока обнаружился... Неожиданно оказалось: все помню, все чувствую, все...

Ольга (*тихо*). Вернулся...

Петр. Вот она, радость – все чувствую...

Тишина.

Ольга. Скажи... ты любил меня?

Петр. Да.

Ольга. Еще повтори.

Монах. Больше жизни.

Ольга. Еще.

Петр. Бесконечно любил, как только возможно любить на свете...

Ольга. Ты написал мне в роддом, я запомнила: бесконечно тебя люблю... как только возможно любить – люблю...

Петр. ...Люблю больше неба, луны, звезд, ветра, воды, света, огня...

Ольга. ...Всем сердцем люблю, безрассудно люблю, люблю навсегда...

Петр. ...Без тебя мне не жить...

Ольга. ...Без тебя не могу, не хочу, и не стану...

Петр. ...Верно, погибну я без тебя...

Молчат.

Ольга. Исчез, ничего не сказал...

Петр. Не мог объяснить...

Ольга. Мы с Илюшечкой, помню, спустились на лифте... Мужья все встречают своих – тебя нигде нет... Ищу глазами – и не вижу...

Петр. Я, Олюшка, я...

Ольга. ...Подумала, прячешься за деревьями в саду, пошла искать...

Петр. Я все объясню...

Ольга. ...Даже в мужской туалет заглянула, мужчин перепугала...

Петр. Оля, милая...

Ольга (со слезами). ...Из роддома пешком возвращались, денег на такси у нас не было...

Петр. Так получилось!..

Ольга. Бросил нас после всех таких слов, что ты мне говорил, и всего, что между нами было...

Петр. Я тебя очень любил... Сына очень любил...

Ольга. Ты нас бросил!

Петр. Я вас не бросал...

Ольга (*пытается отстраниться*). Бросил и слова не сказал – почему? За что?

Петр (*удерживает ее*). Не умел объяснить...

Ольга (*плачет, бьется*). Как ты мог?

Петр. Я, поверь...

Ольга. Я тебя ненавижу...

Петр. Я ради тебя... Ради сына и ради тебя... Ради нас...

*Телефон неожиданно мощно возник вступлением в знаменитую девятую симфонию Людвига Ван Бетховена. Оба – он и она – как очнулись, и замерли. **Ольга Андреевна** растерянно ищет мобильник, наконец, находит и торопливо кричит.*

Ольга. Илюшечка, где ты? Сынок, возвращайся! Я прошу тебя, я... А? что? почему не придешь?.. Она обиделась на меня? Почему?.. Ну, да, сын, я выпила, ты извини... Не сдержалась, малыш, извини... Извинись за меня, ты же можешь... Скажи, мать, все такое, бывает... Уже успокоилась, сын... Возвращайся домой, я прошу... Хочешь, с ней, хочешь... Я понимаю... Женись, если хочешь... Сказала: женись, мне чего?.. Мне только – чтобы тебе, Илюшечка... Да сто раз я уже повторила: женись! Женись! Женись, чтоб тебя!.. (*В сердцах швыряет телефон об стену и хватается двумя руками за голову.*) У тебя телефон, Петр, есть?..

Петр *делает шаг ей навстречу и цепляется рукой за стул.*

Ольга (*поддерживает его*). Ну-ну, Петр, что с тобой?

Петр. Что-то вдруг... я не знаю... возьми...

Ольга. Давай, что ли, сядем...

Петр. Прости...

Ольга. Не спеши... ничего не говори... молчи пока...

(Устраивает его в кресле, поднимает с пола подушку и подкладывает ему под голову). Так удобно? Ответь... Просто, просто кивни...

Он молчит. Она набирает номер телефона, на другом конце провода, похоже, не откликаются.

Ты что-то сказал?..

Он молчит.

Может, ты голоден? Ты не стесняйся... *(Опускается на стул.)* Есть салат-оливье... И тоже со свеклой салат... Я туда орехи покрошила... Тебе раньше нравилось... Мясо с картошкой, с овощами, тоже по твоему рецепту...

Молчат.

Сама поверить боюсь: Илюшечка, сын... Жениться надумал... Ребеночка ждут... От старухи...

Молчат.

Время летит – моргнуть не успела...

Молчат.

Если бы ты меня разлюбил и ушел к другой женщине – я бы меньше мучилась. Знала бы, что разлюбил и ушел... Или умер, в конце-то концов...

Петр (*неожиданно поднимается, наливает себе вина из початой бутылки, руки, заметно, дрожат, залпом выпивает*). Я себе рисовал нашу встречу... слова искал, чтобы понятные... письма пытался писать... Потом перечитывал и понимал, что таких слов у меня нет... (*Торопливо, заметив движение **Ольги Андреевны**.*) Пожалуйста, выслушай меня... И не бойся меня, хорошо?.. Постарайся услышать меня, хорошо?..

Она, молча, смотрит на него. Он торопливо наливает остатки вина из двух разных бутылок и залпом выпивает.

Но так уже вышло, что делать?.. Божьи дела – по-другому не придумаешь... Только я точно знаю, что я никого больше, как тебя, не любил... И нашего с тобой сына я желал больше всего на свете...

Молчат.

Еще мама была жива... Иногда вспоминаю – как в другой жизни... Я же все помню, а ты?..

Она молчит.

Помнишь, после визита к врачу ты мне позвонила в редакцию и попросила спуститься...

Ольга. Да... я хотела тебе рассказать...

Петр. Я не знал, даже не догадывался, что ты была у врача, и по какому поводу...

Ольга. Ветер, дождь, я насквозь... кричу тебе снизу, чтобы спускался поскорее, что ты мне очень нужен, а ты бормотал мне в ответ чего-то и почему-то не спешил...

Петр (*смеется*). С одной стороны, там летучка, меня обсуждают, орут – с другой ты кричишь...

Ольга. Ты кричал, чтобы я поднималась, а я не хотела при людях...

Петр. Понять не мог, что такого стряслось... А, кстати, в ответ ты мне крикнула, я вспоминал... Как раз те слова, что тогда не расслышал, потом вспоминал и все силился разгадать...

Ольга. Что потом сильно пожалеешь, если побыстрее не спустишься ко мне...

Петр (*опускается возле жены на колени, берет ее руки в свои*). Так я и помчался к тебе побыстрее – только тебя уже след простыл...

Ольга. Обидно сделалось...

Петр. Милая моя, милая...

Ольга. Жутко обиделась, правда...

Петр. Как знал, я нашел тебя в парке, на нашей скамейке, под нашим деревом...

Ольга. Помнишь?

Петр. Все помню!

Ольга. Я помню!..

Петр. Как я на коленях просил о прощении...

Ольга (*смеется*). Там же пытался меня уложить...

Петр (*смеется*). Только помню, что был на коленях!..

Ольга. Бесстыдник, в общественном месте...

Петр. Тогда ты сказала... Тогда ты, тогда – что у нас будет сын...

Ольга. У тебя будет сын, я сказала...

Петр. А я растерялся...

Ольга. Я помню: обрадовался...

Петр. Именно! Я чуть с ума не сошел! Готов был скакать на виду у всего мира, смеяться и кричать о своем счастье...

Ольга. Ты меня благодарил – как ненормальный...

Петр. Я себя ощущал Богом в шестой день творения, по меньшей мере, отцом новой расы людей... Я искренне верил, что с приходом моего сына и в мире все переменится... От одной мысли, что у меня будет сын, я, как будто вырастал и превращался во всесильного великана...

Ольга. Ты сбежал и не дождался даже, чтобы его увидеть!..

Тишина. Он тяжело поднимается с колен; понуро стоит.

Завтра исчезнешь еще на шестнадцать лет, потом опять явишься и станешь рассказывать, как ты был счастлив...

Молчат.

Петр. Тот день, когда ты мне сообщила, что у меня родится сын, и впрямь был самым счастливым в моей жизни...

Первый, с кем я немедленно поделился этой фантастической новостью, был водитель такси... Едва мы с тобой расстались тогда – я сразу помчался обратно в редакцию... Впрочем, неважно!.. Короче, услышав о сыне, он резко затормозил, вышел из машины и достал из багажника роскошный букет прекрасных алых роз – как будто специально приготовленный для меня... Понятно, я вышел к нему, мы дружески обнялись... Или, вернее, это он одним властным движением руки прижал меня к своей

необъятной груди – я едва доставал ему до плеча... После чего он церемонно вручил мне цветы и торжественным тоном, подобающим случаю, предложил «это дело обмыть, как следует»... Я еще, помню, отметил про себя незамысловатый юмор таксиста: «это дело»... Будто речь шла не о рождение человека – моего сына! – а о выигрыше на скачках или в лотерею... А, впрочем, в тот день, повторяю, я был готов обнять целый мир... У трех вокзалов мы раздобыли пива, водки, вина, шампанского, кильки в томате и торт в шоколаде, и поехали на Воробьевы горы... Спустились к реке, разложились на днище перевернутой лодки и пили, любуясь луной и ее отражением в воде... Напившись до чертиков, спорили, где луна настоящее и красивее: на небе или в воде?.. Он меня уверял, что по-настоящему прекрасным может быть только то, что по-настоящему существует – я же в ответ ему клялся, что мой будущий сын, которого как бы еще нет в природе, вызывает во мне массу прекрасных эмоций и образов, каких не испытывал никогда прежде... Что верно, то верно, кивал мне таксист, ваш сын еще не родился, а вы его уже так любите, что, кажется, жизни своей за него не пожалеете... Не пожалею, не раздумывая, признался я... Бывали, однако, отцы, усмехнулся вдруг он, что с готовностью жертвовали жизнью своего сына... У меня защемило в груди: да разве такое возможно, спрашиваю... Ну, как же, отвечает, в святой книге написано черным по белому, и достает из нагрудного кармана куртки Библию размером с ладонь, и, не открывая страниц, по памяти читает: «и сказал Бог Аврааму: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мория, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе...» Он – мне в такую минуту... В такую минуту он – мне,

представляешь?.. И дальше еще продолжает по памяти, глядя мне прямо в глаза: «...И пришли они, отец с сыном на место, о котором сказал Аврааму Бог, и устроил он там жертвенник, разложил дрова и, связав сына своего Исаака, положил его на жертвенник поверх дров...»

Наливает и выпивает. Молчит.

Ольга. Зачем ты мне это рассказываешь?

Петр. До сих пор никому не признался... Разве нашему старцу Николе на исповеди...

Ольга *(не сразу)*. В чем ты признался?..

Петр *(не сразу)*. Ты меня проклянешь...

Ольга. Я о тебе дурного не думала даже, когда ты не встретил меня в роддоме... Даже, когда шла домой в дождь, пешком, одна с Илюшечкой на руках, потому, что у нас не было денег на такси... И даже потому, когда мы, когда я...

Петр. Внутри все горит... Натурально пожар... Ничего, что я пью?..

Ольга. Начал – рассказывай: в чем ты признался старцу на исповеди?..

Петр *(внимательно на нее смотрит; не сразу)*. Помню, тебя повезли рожать, ты мне улыбалась и крепко держала за руку... Шутила, что скоро вернешься с победой... Я тоже бодрился изо всех сил, и тоже каламбурил, чтобы ты воевала, как надо, а я уж тебя непременно дождусь... Но, когда я остался один и спустился в сад, меня обуяли страх и тоска... Сам не мог осознать, безотчетно слезы сами собой текли по лицу, я едва удерживался, чтобы не закричать или разрыдаться... Ничто прежде так больно меня не ранило: ни потеря родителей, ни гибель друзей на войне, никакие

другие мои потрясения... Необъяснимо, как помню, нежданно рванулся к тебе, по ходу сметая охрану и людей, что пытались меня остановить и образумить... У самых дверей операционной я угодил в богатырские объятия врача-акушера, принимающего роды...

Ольга Андреевна *странно смотрит на Петра.*

Мне показалось, я уже знаю этого человека, вот только вспомнить не получалось... Помочь умолял, совал деньги и обещал все отдать, чего имею... Он же небрежно совал их в карман халата и говорил, что очень даже понимает мое волнение, потому что он тоже отец и тоже, как я, всякий раз волнуется, как жена рождает... Добрейший Федор Кузьмич...

Ольга. Как ты его назвал?..

Петр. Федор Кузьмич... Да неужто забыла Федора Кузьмича?..

Ольга *(в явном недоумении).* Какой еще Федор Кузьмич, интересно?..

Петр. Спаситель твой, Олюшка, да ты что?.. Добрейшей души человек, спускался ко мне, по часам, через каждые тридцать минут: перекурить, доложить обстановку, да и вообще... Теперь я вам просто обязан – шутил... Всякий раз я кидался к нему со своими вопросами: ну, что? Ну, как она? И когда, наконец?.. Воды, как он мне объяснял, давно отошли, а ребеночек отчего-то не торопится... За шестнадцать часов, он сказал, тебя дважды кололи обезболивающим, чтобы ты перевела дух... Хвалил, как ты молодцом держишься... И намекал, что и я тут не зря – даже очень не зря, повторял!.. Я тогда, впрочем, слушал вполуха, это потом я припомнил... *(Повторяет задумчиво.)* Потом я припомнил... В общем, он уходил, я опять оставался один и

опять не находил себе места, метался и сходил с ума... В голове у меня – будто мины рвались: вы там, наверху, в каких-то метрах от меня мучились оба, может быть, погибали, а я был бессилён помочь... Казалось, как будто сбывалось страшное предчувствие... Я до того никогда не молился, ты помнишь, а тут, вдруг, упал на колени и сам не пойму, кто меня надоумил: поклялся Богу исполнить все, что прикажет, и даже, понадобится – так Ему и сказал: если понадобится, стану новым Авраамом!..

Ольга. Что?..

Петр (*осеняя себя крестными знамениями*). Я Ему сына пообещал!.. Илюшечку, сына моего единственного!..

Ольга (*поднимается*). Кому?..

Петр. Господу, нашему Господу!..

Ольга. Что? Как ты мог?..

Петр. Но вы живы, смотри!.. Бог услышал меня, Он услышал!.. Едва я произнес свою клятву – едва! – как в окне появился Федор Кузьмич с младенцем на руках и радостно мне возвестил: вот он!.. Олюшка, ты представляешь?

Ольга. Нет...

Петр (*обнимает ее*). В ту самую ночь, в ту минуту я в Бога уверовал...

Ольга (*пытается вырваться*). Петр...

Петр (*не отпускает*). Мы нужны Ему, Олюшка, мы...

Ольга. Что ты такое – зачем?..

Петр. Ты мне верь, мы нужны...

Ольга. Отпусти меня, Петр...

Петр. Послушай...

Ольга. Мне страшно...

Петр. Бог меня выбрал, так старец сказал... Бог нашего сына, так старец сказал...

Ольга (*рвется от него, и бьет его*). Но я не хочу, не хочу!..

Петр. Олюшка, Бог!..

*В этот самый момент возвращаются в дом **Илья** и **Маруся**.*

Илья. Оля!

Ольга. Илюшечка, он!..

***Илья** с лёту буквально и резким ударом сшибает **Петра** с ног и, не останавливаясь, продолжает яростно наносить удары.*

Ольга (внезапно кричит). Илюшечка, он твой отец!..
Илюшечка, сын!..

Темнота.

Картина вторая.

*Те же и там же, спустя малое время. Семья, наконец, в полном сборе и за столом. Молчат. Вроде, все вместе – но вместе, похоже, не получается. **Илья** задумчиво ковыряет в тарелке вилкой. **Маруся** сидит, потупив глаза. **Ольга Андреевна** подобна застывшему сфинксу. Кажется, взгляд ее устремлен в саму вечность. **Петр**, кажется, смущенно, виновато улыбается. Так они долго сидят...*

Петр (наконец, нерешительно). В общем, я как бы...
Простите меня, Бога ради... Пора как бы, да... Простите

меня... (*Сидит.*) Да, в общем, вот... Может, Бог еще встречу пошлет... Кто знает, когда-нибудь... Храни вас Господь... (*Поднимается, стоит, будто чего-то ждет; направляется прочь. Тишина. У выхода он оборачивается, лицо в слезах, растерянно улыбается.*)
 Вот, голова, два уха, едва не забыл... (*Торопливо ищет под рясой.*) Так бы ушел и не вспомнил... Да вот же они... (*Наконец, извлекает на свет толстенную пачку банкнот.*)
 Злато, понимаешь...

*Тишина. Сколько-то времени **Петр** стоит с протянутой рукой.*

Старец проведаль, что сына иду навестить... Поздравить с рождением... В общем, призвал и сказал: вот, сказал, человек приходил, для хорошего дела пожертвовал...
 Прошу тебя, говорит, отдай сыну единственному своему...

*Тишина. Наконец, **Петр** возвращается к столу, оставляет деньги на краешке. Чуть помедлив, понуро направляется прочь.*

Маруся (*поднимается*). Отец!

Монах *замирает, с удивлением смотрит на молодую женщину.*

Обвенчайте нас, батюшка!

Петр (*растерянно*). Я?..

Маруся. А чего, хорошо! Я подумала, дважды благословение: от отца и священника – одновременно!

Петр. Я всего лишь послушник... Белец, говорят... Не могу я по сану...

Маруся. Неважно, святой человек!

***Ольга Андреевна** внезапно уходит к себе; доносятся ее рыдания. **Илья** вдруг уходит в дальний угол; стоит спиной.*

Петр (направляется было, следом за **Ольгой**, но у самой двери в ее комнату останавливается, беспомощно произносит). Олюшка...

Маруся. Лучше я!.. (Обнимает **Илью**, целует.) Я дурёха, прости... Обещаю, исправлюсь... Все будет хорошо... (Чуть помедлив у входа в спальню, приоткрывает дверь, робко заглядывает; наконец, скрывается.)

Тишина. Рыдания за дверью все громче. Кажется, они плачут вдвоем.

Петр (падает вдруг на колени). Сын, Богом прошу, если сможешь когда-нибудь меня простить...

Илья (поворачивается к отцу, лицо заплакано). Отец...

Петр. Я так сильно тебя люблю...

Илья. Нехорошо так, отец... (Пытается его поднять.)

Петр (упорно возвращается на колени). Ты прости...

Илья (не удаётся поднять – сам становится рядом). Пожалуйста, плохо... Я не хочу, чтобы вы так, пожалуйста... Пожалуйста, поднимайтесь...

Петр (отечески гладит его, и смотрит на него – кажется, не может наглядеться). Ну, да, ты большой, ты поймешь... Да, ты умный, ты добрый... О, я знаю, что ты добрый... Мой сын, ты поймешь... Я, по правде, боялся, не доживу...

Говорить с тобой, слушать... Что хочешь сказать – говори...
 Спрашивай, не стесняйся, о чем хочешь... Что, почему я вас
 бросил?.. Оля сказала тебе, что я помер – а я, видишь...
 Видишь, я, видишь – ну, что?.. Ты обижен, скажи?.. Ну-ну,
 говори, не таись от меня... Видишь целым и невредимым...
 Так на меня смотришь... Накричи лучше, что ли, ударь... Ты
 думаешь, я тебя бросил... Сбежал, ничего не сказал и не
 объяснил... *(Вдруг, шепотом.)* Я Бога о смерти просил... Не
 хотел помириться с судьбой – вот в чем, сынок... И душило
 меня от обиды: почему Он меня выбрал? Нас с тобой – на
 такое Он выбрал?.. И за что нам с тобой такое испытание?..

Илья молчит.

Вот же, тысячу раз пытался представить в уме нашу с тобой
 встречу... И как я тебе все расскажу, и что ты мне скажешь в
 ответ... Ждал, когда повзрослеешь и сможешь понять...
 Жутко страшился, что ты не поверишь, придумывал слова...

Тишина.

Все пытался понять – чего от меня хочет Бог?.. Как мне было
 понять, как такое понять вообще?.. Олюшка не могла
 родить... Погибала, а я ничего не мог... С четвертого этажа
 через закрытые окна до меня доносились ее крики...
 «Петенька, Петя-а!» – звала и молила о помощи... Это было
 похоже на пытку... Шестнадцать часов продолжался весь
 этот кошмар... Я готов был на все, только бы ее спасти... И не
 думал уже о моем дитя, которого я так страстно желал, или
 о том, что будет со мной, даже пусть с целым миром – все
 помыслы только о ней одной... Я готов был пожертвовать
 всем, самым дорогим – чтобы только она не страдала,

только осталась живой, только не потерять... (*Пауза.*)
 Казалось, надеяться не на что – разве, на чудо... Я и думал о чуде, не думал, что делаю, что говорю... Меня, как несло, непонятно, куда и зачем?.. До сих пор не могу осознать – тоже Божьи дела! – как вдруг из меня, как изверглось: «Слушай, Бог, возопил я в отчаянии, я пожертвую сыном, кричал, но спаси мне её! Я пожертвую сыном, спаси мне её, кричал, я пожертвую сыном...»

Тишина.

Невозможно такое осмыслить: едва я поклялся – как ты... Ты родился – едва я поклялся... Самым поклялся желанным, самым дорогим... Ты ведь был для меня самым желанным и самым дорогим...

Илья. Совсем как отцу Аврааму его единственный сын Исаак...

Петр (*странным образом смотрит на сына*). Прости... что ты сказал?..

Илья. Вы как тот Авраам, что из Библии, который почти четыре тысячи лет назад пожертвовал сыном своим Исааком...

Петр (*не сразу*). Да разве ты знаешь?..

Илья. И отправился Авраам в землю Мория, и на одной из гор разложил поленья для костра, и связал своего сына Исаака, и занес над ним нож – так написано в Библии... И в дневнике у вас, кстати – я даже сравнивал...

Петр (*растерянно*). Вон оно как, мой дневник... Я-то думал, его потерял... Да, в общем, как все потерял... Получается как бы... Ты что же, нашел его, значит?..

Илья. В боксерском мешке... Порвался по швам...

Петр. Голова, два уха, действительно... Порвать или сжечь – не хватило духу... Однако, давно это было...

Илья. Нитки прогнили...

Петр. Нитки, они... (*Задумчиво потирает скулу.*) И кулачки у тебя, правду сказать... (*Заметив взгляд сына.*) Бога ради, со мной все в порядке... Да я даже рад, что ты так... Одним словом, сын, одним словом...

Илья. Могу я спросить?

Петр. Да, да!.. Да, спрашивай, да!..

Илья. Как раз в дневнике, там стихи... Короче, вопрос у меня: «И Авраам свой нож с коротким жалом достал – тот нож, которым резал хлеб... "Ну что ж, пора", -- сказал он и взглянул: на чем сейчас лежат его ладони? В одной – кинжал, в другой – родная плоть. "Сейчас соединю..." – и тут же замер, едва пробормотав: "Спаси, Господь". Из-за бархана быстро вышел ангел...

Петр (*потрясенно повторяет*). Из-за бархана быстро вышел ангел...

Илья. Ну, как бы подумал я: как мог ангел выйти из-за бархана, когда в библии ясно сказано: «И возвёл Авраам очи свои и увидел: и вот, позади овен, запутавшийся в чаще рогами своими»? Известно, барханы обычно в пустыне, где песок, а овен запутался в чаще...

Петр (*вдруг, словно охрипнув*). Ты прав...

Илья. А – тогда почему?..

Петр. Что?..

Илья. Вы так написали – почему?..

Петр молчит.

Потом я подумал, что, может, все проще: из-за бархана быстро вышел ангел – попадало в размер стихотворения, а из-за чащи – не попадало... Я тоже, бывает... Чего-то, бывает, не лезет в строку...

Петр (*как бормочет*). Потому, что не я их писал... Зачем-то переписал, сам не знаю... Как бы, вроде, понравились, что ли... Что им ангел явился – должно быть... Такое вот чудо – что ангел явился и спас!.. Хорошо ведь – когда хорошо!.. А когда бы знал правду... Когда бы я ведал...

Илья (*не сразу*). О чем вы?..

Петр. Великую тайну от старца узнал... И вся правда в том... (*Умолкает.*)

Илья. Отец...

Петр молчит.

Какую правду?

Петр. По написанному, действительно: Бог наказал Аврааму пойти с сыном его единственным Исааком на гору Мория и там принести его в жертву... В обмен обещал времена, когда люди не ведали страха, тоски, не болели и не страдали, не воевали и не умирали... Но в том-то и дело, что он... Авраам не исполнил завета, пожалел сына единственного своего...

Илья. Но было написано, что Авраам взял в руки нож, чтобы заколоть сына своего, только Ангел Господень воззвал к нему с неба...

Петр (*с жаром*). Не было ангела – вот она новость!.. Двое там было на горе – Авраам и сын его Исаак!.. И на все времена записали – со слов Авраама!.. Или, может – Исаака!.. Старец наверно сказал, он там был!.. (*Заметив взгляд сына.*) Старцу дано, ты не думай, он видел, как будто

он там находился... И я это видел через него, я как будто бы видел...

Илья. Что видел старец?

Петр молчит. Кажется, мыслями далеко.

Отец... что вы видели?.. Отец, пожалуйста?..

Петр (задумчиво смотрит на сына). Авраам пробудился... Встал, вышел на свет из шатра... Столетний старик, всклокоченный, страшный лицом, с глазами полными слез... Разбудил сына Исаака и слуг... Приказал собираться в дорогу... (Пауза.) Жена его Сара спросила, куда они едут? На что в ответ Авраам, пряча глаза, лишь неопределенно махнул рукой в сторону голой скалы... (Молчит.) Четыре томительных дня пути до места, указанного Богом, Авраам молчал... Разве, думал о Боге, который, похоже, над ним посмеялся: дал сына в сто лет – и теперь отнимает... Как такое могло случиться, что Бог лишал его обетования?.. Бог, обещавший, что семя его многократно умножится, как звезды небесные и как песок на берегу моря?.. (Молчит.) У подножья священной горы Авраам и Исаак оставили слуг и сами продолжили путь... Наверху Исаак, разложив дрова для костра, наконец, заинтересовался у отца, где жертвенный агнец?.. Молча, приблизившись к сыну, Авраам обнял сына и горестно пробормотал, что это он, Исаак, и есть жертвенный агнец... И слезно Исаак умолял на коленях отца его пощадить... И несчастный старик на коленях Исаака молил о прощении... Оба стонали и слезно зывали друг к другу до тех пор, пока...

Появляется **Маруся**; слезы на глазах. Осторожно и плотно прикрывает дверь; мгновение прислушивается.

Маруся (*обнимает Илью*). Ольга Андреевна, мама... Мамочка, Илинька... (*Переходит на шепот.*) Ты не волнуйся, уснула она... Я ее потихонечку так убаюкала... Как маленькую... Она и вправду, как маленькая: совсем не умеет притворяться... Всю правду-матку в лицо, не иначе... Бабулю напомнила: тоже рубила с плеча – когда чего не по ней... По правде сказать, таких люблю больше: знаешь, чего от них ждать...

Петр. Бог воздаст вам за ваше добро...

Маруся. Спасибо, уже воздал!.. (*Ласково льнет к возлюбленному юноше.*) Такое мне чудо послал...

Петр опускает глаза.

Вы хороший... Спасибо, что так говорите...

Петр молчит.

И тоже, как вдруг объявились – чудо, подумать... В такую минуту, в такой день и час... Не верь после этого – будто почувствовали...

Петр. Илюша родился.

Маруся. Любименький мой... Даже не знаю, чего бы я делала тут без него!..

Илья молчит.

Вот мне интересно: вы верите в судьбу?

Петр (*не сразу*). Все от Бога...

Маруся. А правда, что Бог помогает, если Его хорошенько попросить?

Петр. Правда.

Маруся. Тогда попросите за нас, хорошо?

Петр молчит.

Бог видит, мы любим друг друга... Да, Илинька?

Илья молчит. Она переводит взгляд на **Петра**.

Вы оба какие-то – как проглотили... Чего-то случилось?..

Тишина.

Илинька... ты хоть скажи, не молчи... Самое время разговаривать...

Тишина.

Уж ты не пугай меня, миленький мой... О чем, интересно, вы тут без меня?.. (**Петру** .) Что вы ему сказали?.. (**Илье**.) Он что-то сказал, не молчи?..

Тишина. Отходит, садится, молчит.

И чего от него все хотят?.. Мать растила, могу я понять, а вы?.. Я надеялась, вы хоть не станете... Тоже не можете переварить?..

Петр молчит.

Ну, куда нам податься, чтобы все уже успокоились, наконец?.. Все хотят нам добра... И ведь сами не знают, чего

хотят – но хотят!.. Одни жалеют его: со старухой связался, другие меня – мол, что будешь, дура, делать одна с двумя детьми – большим, вон, и грудным... Ну, так получилось у нас – повеситься теперь?.. Бог свидетель, как я бегала от него, и как не хотела... А все же пошла за ним, как околдованная...

Илья (*опускается возле нее на колени, с нежностью обнимает*). Я тебя очень люблю...

Маруся (*со слезами*). Так и я тебя, Илинька...

Илья. И нашего сына, и тебя... И, пожалуйста, ничего не бойся... Все у нас будет, как у людей... Ты же мечтала, чтобы – как у людей?..

Маруся. Да...

Илья (*решительно встает, поднимает **Марусю***). Так и будет, увидишь... Увидишь, увидишь... Отец, обвенчайте нас.

Петр (*пятится*). Нет...

Илья. Почему?

Петр. Я послушник всего лишь, сказал... По закону церковному – мне не положено...

Маруся. Илинька...

Илья. Вы мой отец...

Маруся. Не проси, ты же видишь...

Илья. Я хочу, чтобы он нас благословил.

Маруся. Он не хочет...

Петр. Но я не могу...

Илья. Ничего!.. Ничего вы не можете, да?.. Ни убить, ни спасти!.. Только можете, что безучастно смотреть, как сын ваш мучается, как он страдает и как безответно он молит о помощи!..

Петр (*тихо, одними губами*). Нет...

Илья. Ах, отец мой, отец, для чего вы оставили меня?..

*Тут из уст **Петра** вырывается стон, взор его полон отчаяния.*

Не было дня, чтобы я не подумал о вас... Был бы он у меня, говорил я себе, как бы мы с ним хорошо вместе жили, и как бы я его любил, и как бы о нем заботился... О, если бы только он был у меня!.. Само слово отец, мне казалось, светилось любовью, справедливостью, мудростью, милосердием, красотой, и каждая буква в этом слове, казалось, исполненной смыслом... Отец, мой отец, повторял я бесчисленно, как в пустоту, для чего вы меня оставили?.. Я придумывал вас и хотел быть похожим на вас...

Представлял, как увижу и что вам скажу... И я никогда вас, ни разу не упрекнул, не сказал, как мне трудно без вас... Повсюду искал вас и не находил... Ждал одобрения или совета... Когда нашел ваш дневник – я в нем каждое слово запомнил на память... Все улицы, где вы бродили, места, где любили бывать... Сомнения, страхи... О первой победе на ринге, первой влюбленности, первом предательстве... Книги – если нужны, я их все перечел...

Петр (в отчаянии хватается руками за голову и кричит). Я спасал тебя, я!.. Богу клятву нарушил!.. Хоронился, замаливал грех!.. Ты теперь, ты – меня!.. Замолчи, я не в силах!.. (Порывается было бежать прочь из дома.)

Илья (цепляется за него, не отпускает) Куда вы, отец? Не бросайте меня, отец!.. (Торопится следом.)

Маруся (кричит). Илинька! Илинька, я!.. (Держится за живот обеими руками, медленно оседает.)

*На крики является **Ольга Андреевна**, торопится поддержать **Марусю**. Свет уходит.*

К а р т и н а т р е т ь я

Появляются **Ольга** и **Петр**. Он ее обнимает, целует, она его обнимает, целует, стаскивает с него сутану, счастливо смеется, приговаривает. **«Не отпущу тебя, не отпущу»...** Он только бормочет в ответ: **«Олюшка, жизнь моя, свет»...** **«Дожили, встретились, дедушка с бабушкой...»** – смеется она. **«Ты моя девочка, Олюшка...»** **«Да уж, теперь... Называй теперь бабушкой, не ошибешься»** **«Жизнь моя, боль моя, счастье мое...»** По ходу они сносят стул, она его удерживает, смеется, бормочет: **«Мы упадем, ненормальный!..»**

Петр. Единственная моя...

Ольга. Ой-ой, да задушишь...

Петр. Прости меня, я... не могу надышаться тобой, Олюшка... Как будто все эти шестнадцать лет кто-то за горло держал, и вдруг отпустил...

Ольга (смеется). Как давно таких слов – даже страшно...
(Целует его.)

Петр. Вот она, радость, Олюшка, вот оно, оказывается, счастье... (Целует ее.)

Ольга (целует его). Ох, Петр, смотри, не спугни...

Петр (целует ее, бормочет, как в забытьи). Сколько раз ты мне снилась, Олюшка... Вы с Илюшей, сыном моим единственным... Видел вас в моих снах – точь-в-точь мадонна с младенцем...

Ольга. Тоже ты скажешь...

Петр. Я только однажды заметил, послушай, действительно, странно: младенцы у многих художников почему-то выглядят маленькими уродцами... Мадонны еще ничего, но младенцы... Подумал – вот жалость, подумал... А

ты, и наш сын, и вы оба – точь-в-точь два ангельских создания!..

Ольга (*целует его*). Фантазер... У нашего с тобой младенца вот-вот свой младенец!.. Он ему даже имя придумал, назвал Родионом! С чего Родионом, у нас Родионов в роду...

Петр. Раскольников был Родионом, как помню...

Ольга. Назвал бы уже его сразу Федором – как Достоевского!

Петр. Родя, родимый, родной... А чего, хорошо же звучит: мой внук Родион!

Ольга (*улыбается*). Твой, а чей же еще?

Петр. В самом деле, действительно, дивно: мой сын и мой внук!.. Кто-нибудь, верно, запишет в книгу времен: Петр, сын Алексея родил Илью, а Илья, сын Петра родил Родиона... (*Повторяет со слезами.*) Родил Родиона, родил Родиона, дай Бог, чтоб родился...

Ольга. Стой, упадешь!.. (*Смеется, целует его и ласкает*). Это все португальский портвейн, я тебе говорила: покупай наш...

Петр (*целует ее*). Вот-вот внук родится, подумал... Я, в общем, подумал, что нам с тобой, Олюшка по такому-то случаю...

Ольга (*целует, ласкает его*). Даже позвал в ресторан по такому-то случаю...

Петр (*целует, ласкает ее*). Всего-то в ночное кафе на заправке...

Ольга. Всего-то!..

Петр. Смеешься, как прежде...

Ольга. Что, помнишь?

Петр. Не было дня, чтобы не вспоминал...

Ольга. Время, когда мы смеялись, когда были счастливы...

Петр. Счастливы...

Ольга. Боже, так просто и так фантастично звучит – когда мы с тобой были счастливы...

Петр (*радостно*). Вот оно, Олюшка, то, что по-настоящему случается у человека и чего я пропустил: жена, дом, сын, внук!.. Моя настоящая жизнь – дом, жена, сын и внук!.. И ничто в этом мире не перевесит того, что мое... Чего стоит беречь, и за что не жаль умереть...

Ольга (*жмется и льнет к нему*). Мир большой, ты живи, не беги от него...

Петр. Как же Бог?

Ольга. Бог поймет, он простит...

Петр. Оля, Олюшка, Оля...

Ольга. Петенька, Петя...

Петр. Единственная моя...

Внезапно, как будто почувствовав что-то, Ольга Андреевна отстраняется и замирает. Петр, кажется, не в силах остановиться, целует ее и ласкает. Наконец, замечает ее состояние.

Что, Олюшка? Что, говори, не молчи... Не молчи, не молчи только, пожалуйста...

Ольга. Петенька, я не могу, подожди... Что-то... что-то...

Петр. Что? Что?.. Ты бы, Олюшка... Вот, ты присядь... (*Осторожно усаживает ее в кресло.*) Ты пока, я пока... Я воды принесу тебе, да?.. (*Устремляется было за водой.*)

Ольга (*слабо удерживает его*). Нет... Прости, не сердись на меня... Извини, я как будто...

Петр. Что ты, что ты, за что, да за что же?..

Ольга. Просто побудем, прошу... Ты, пожалуйста, не торопись?

Петр. Да, конечно, да я, да куда же?.. Нашлись, наконец...

Ольга (*со слезами*). Просто я не могу... Понимаешь, что я не могу?..

Петр (*становится возле нее на колени*). Что мне делать, скажи? Тебе худо?..

Ольга. Не знаю... Прости, я не знаю... Как будто хочу тебя, и не могу... Ждала и мечтала, когда, наконец, ты объявишься – вот... Где-то читала, когда долго ждешь... и когда вдруг дождешься...

Петр. Да все это – все ничего... Просто – просто устала, тебе отдохнуть... Ночь сегодня – как целая жизнь, такая длиннющая... (*Осторожно ее обнимает.*) Милая моя, милая...

Ольга. Просто я не могу позабыть, понимаешь?.. Целую тебя, и сама же поверить боюсь, что целую тебя... Руки – как будто они не мои, и губы – как будто...

Петр. Прости, Бога ради, прости меня, Олюшка...

Ольга (*плачет*). Я, наверно, не то говорю... Мне, наверно, сейчас надо радоваться и кричать на весь мир, как я счастлива, как хорошо... и что внук, и что ты к нам вернулся, а я... Не могу позабыть, быть счастливой, и еле удерживаюсь, чтобы не закричать: как ты мог, Петр? Как такое возможно?.. Не было дня или даже минуты за эти шестнадцать лет, когда бы меня отпустило... Как ты мог? Как такое возможно?..

Петр (*тихо, едва слышно*). Я же все тебе рассказал...

Ольга (*кричит*). Может, ты рассказал, только я не услышала!.. С горя оглохла, подумай!.. Просто слов не осталось таких, чтобы я их понимала!.. Я только вижу себя, как в каком-то кино, стоящей, как нищенка, на ступеньках роддома с нашим сыном на руках в ожидании моего возлюбленного мужа и отца... Гром гремит, Илюшечка

плачет, я реву и понять не могу: за что мне все это такое?.. Акушерка, Мария Семеновна, спасительница моя, без устали мне повторяет, что все будет хорошо, и ты скоро вернешься, и тащит обратно в роддом, переждать непогоду...

Петр. Мария Семеновна?..

Ольга. Мария Семеновна! Мария Семеновна!! Мария Семеновна!!! Сто раз повторила, опять переспрашиваешь!..

Петр. Просто я потому, что тогда... Я стоял за деревьями, прятался, видел тебя и мужчину...

Ольга. Какого мужчину? Опять фантазируешь!..

Петр. Нет же...

Ольга. Как я могла перепутать – ты скажешь!.. Подумать боюсь, что случилось бы с нами, если бы не она!.. Я стеснялась ее попросить – так она сама, что ни час, бегала к тебе и докладывала, как мы сражаемся и какой я молодец... И потом возвращалась ко мне с тысячей поцелуев от тебя и рассказывала, какой ты у меня хороший, и как сильно ты меня любишь... Не часто увидишь такую любовь, говорила она со слезами на глазах...

Петр (*странно глядя на Ольгу Андреевну*). В самом деле, как странно...

Ольга. Глаза добрые, грустные даже... Небольшого росточку, похожа на воробышка... Говорила – как щебетала, смешно... Я половину понять не могла... Записки твои приносила... Мы плакали вместе...

Петр. Говоришь... она выходила ко мне?..

Ольга (*изумленно глядит на него*). Как такое забыть? Петя, что с тобой, милый?..

Петр (*беспомощно*). Но как же тогда Федор Кузьмич?.. Там, на крыльце рядом с вами я видел его...

Ольга (*странно на него смотрит*). Честное слово, Петр: второй раз ты это имя...

Петр. Федор Кузьмич... твой врач-акушер... Огромный такой, как старинный шкаф... Это он ко мне выходил, все про тебя рассказывал... Я писал тебе письма, он их относил...

Ольга (*осторожно*). Петенька, можешь мне верить, в родильном отделении не было докторов мужчин... Мария Семеновна, медсёстры, всё... Никакого Федора Кузьмича...

Петр. Ты была не в себе, ты могла...

Ольга. Я все помню...

Петр. Но – как же так, Олюшка?..

Ольга. Хочешь, могу рассказать по минутам про все шестнадцать часов адских болей... Про то, как прощалась я с жизнью и с тобой, пока родила... И только она одна, как помню, во все продолжение этого кошмара она одна крепко держала меня за руку и не отпускала на тот свет...

Петр (*встает, отходит, молчит; наконец*). Хорошо, не сердись на меня... Я, возможно... возможно... Она говорила тебе... что она со мной говорила?.. Она что, со мной говорила?.. То есть, она, говоришь, разговаривала именно со мной?..

Ольга (*тоже встает*). А с кем же еще?..

Петр (*потерянно*). Я такого не помню... Я, правда, не помню...

Ольга. Ты, Петр... пугаешь меня... Она говорила, ты выглядел жутко потерянным... Плакал, грозился покончить с собой, если со мной что-то... Умолял уберечь меня, пусть без ребенка...

Петр (*растерянно повторяет*). Мария Семеновна... Странно...

Ольга (*подходит к нему, обнимает*). Ты так хотел сына, зачем ты сбежал? Почему не дождался меня?

Петр. Но... Федор Кузьмич...

Ольга. Посмотри на меня... Ты в глаза мне, пожалуйста, Петр... Ясно тебе говорю: не было там никакого Федора Кузьмича, понимаешь?

Петр. Как же, он был... говорю тебе верно... (*Пятится, осеняет себя крестным знамением.*)

Ольга. Тебе показалось...

Петр. Но мы с ним курили, Олюшка, он мне еду приносил... По-всякому поддерживал меня... Мы с ним говорили о Боге, о чудесах... Я такого придумать не мог, ты подумай: он даже сына поклялся показать мне сразу, как тот явится на свет... И – показал же!.. Я очень запомнил фигуру гиганта в окне родильного отделения с орущим младенцем на поднятых кверху руках... Вот он, ваш сын, радостно кричал он мне с высоты шестого этажа!

Ольга. Это я упросила Марию Семеновну показать тебе сына! Я знала, что ты там стоишь под окнами, ждешь и сходишь с ума – и поэтому я!..

Петр (*поднимает в испуге руки, пятится*). Федор Кузьмич, просто ты...

Ольга. Бог знает, кого ты там видел!

Петр (*торопливо, сумбурно*). Бог знает... Допустим, Мария Семеновна... Федор Кузьмич... сказал напоследок: «Бог требует жертв!» Поди, знай, что думать, зачем он сказал... Вы – там, наверху, я – внизу, как в каком-то аду... Ты могла умереть, вы с Илюшечкой – оба могли умереть... И тогда я поклялся... Поклялся, не думая, не размышляя, самым для меня дорогим...

Ольга (*с болью, тихо*). Сыном?..

Петр. А что я еще мог Ему предложить?.. Да и не ждал Он другого от меня... И что самое, Олюшка, самое ужасное: я чуть не с первых минут знал, что ничем другим вся эта история не закончится... Вот, поди, догадайся, откуда я знал?..

Ольга *(со слезами, бережно обнимает его)*. Миленький мой, ты был болен...

Петр *(со слезами ее обнимает и шепчет)*. Я оттого и бежал прочь из последних сил, чтобы сына спасти... Увидел его в окне – и чуть не лишился... Подумал, как можно, мой сын?.. Он зачем-то родился?.. Плоть моя, моя жизнь, мое продолжение в этом мире?.. Поверь мне, я даже помыслить не мог, чтобы ради какой-то идеи – пусть самой великой! – взять на руки это крохотное безгрешное существо... В жертву – за что?.. Целый мир для меня в ту минуту не стоил слезинки моего сына... Потому и бежал, как будто за мною гнались, мысля лишь о спасении сына единственного моего...

Ольга. Миленький, ты и сейчас, как в бреду...

Петр. Ах, Олюшка, я так боялся тебя потерять!..

Ольга. Обними меня, не отпускай...

Петр. Я так по тебе тосковал...

Ольга. А как я тосковала...

Петр *(поднимает ее на руки)*. Я без тебя, как не жил...

Ольга. И я не жила...

Петр. Любимая ты моя...

Ольга. Ты мой любимый...

*Наконец, оба скрываются в комнате **Ольги Андреевны**. Еще сколько-то мгновений из-за полуприкрытой двери слабо доносятся, полные нежности и приятия, голоса – мужской и женский...*

Картина четвертая

Светает. Неслышно приоткрывает дверь из спальни, появляется **Ольга Андреевна**. В ночной рубашке. Осторожно прикрывает дверь. Находит мобильный телефон. Звонит. Тишина. Повторяет набор. Говорит на автоответчик: «**Илюшечка, мальчик мой, я беспокоюсь... Что там у вас? Родила?.. Не звонишь, про мать на радостях позабыл... Малыш, пошутила, прости... Чего-то, наверно... Не знаю, что думать, чего-то... Перезвони мне, пожалуйста, сразу, как только услышишь?...** Перезвони... Только сразу... Я жду...» Задумчиво стоит. Наливает вина в стакан. Опускается на стул. Сидит. Закуривает. Вдруг, будто решившись на что-то, оставляет сигарету в пепельнице, уходит. Появляется **Петр**. В нижнем белье. Щурится на свету. Тихо зовет: «**Любовь моя, Олюшка, где ты?**» Замечает дымящуюся сигарету, направляется к столу, гасит. Улыбается чему-то. Поднимает с полу штаны и сутану, аккуратно раскладывает на стуле. Игриво, на цыпочках направляется на кухню. Навстречу ему появляется **Ольга Андреевна**. Одета уже и причесана.

Ольга (пугается, вдруг, при виде **Петра**). Господи, Петр!..
Петр. Олюшка!..

Ольга. Ну, ты напугал меня до смерти, правда... Какой-то мужчина забрался, подумала, честное слово...

Петр. Прости...

Ольга. Ты же спал... Постановывал даже во сне – совсем, как когда-то...

Петр. Услышал, как ты выходила... Жду – а ты все не возвращаешься... (*Обнимает ее, целует.*) Милая моя, единственная моя...

Ольга (*пытается отстраниться*). Петенька... Петр, пожалуйста...

Петр. Что?..

Ольга. Не сейчас...

Петр (*ласкает ее*). Почему?

Ольга. Потом... Будет время, потом...

Петр (*ласкает ее*). Да сколько его, мне все мало...

Ольга. Снова если не пропадешь...

Петр. Снова – нет...

Ольга. Говоришь...

Петр. Мне не жить без тебя, ты же знаешь...

Ольга. Столько жил...

Петр. Тосковал...

Ольга. Непокойно мне, Петенька... Сон, приснилось вдруг, будто Илюшечка мой в каком-то лесу лежит связанным по рукам и ногам, и умоляет о помощи...

Петр (*отпускает, вдруг, руки*). Что?..

Ольга. Не кричит почему-то, а просит, так жалобно просит... И ужас такой на лице...

Петр (*вдруг*). Позвони ему, Олюшка, где телефон?

Ольга. Я звонила...

Петр (*быстро*). И что? Что ответил?

Ольга. Молчит...

Петр. Почему? Может быть, он не слышит...

Ольга. Звонила, звонила, просила его позвонить... Как только родится, как только... Поеду сама, мне спокойней...

Петр (*решительно*). Тогда я с тобой...

Ольга. Он такой, на него не похоже... (*Направляется к выходу.*)

Петр (*торопливо надевает штаны, теряет равновесие, скачет на одной ноге и кричит ей вдогонку*). Погоди, я с тобой!.. Олюшка, не убегай без меня!.. Я вот только же, только!..

Ольга (*на ходу*). Ты – нет, оставайся!..

Петр. Но как же, но я же, ты видишь...

Ольга (*кричит*). Сама! Я сказала: сама!..

Петр (*изумленно*). Почему?

Ольга. Опять пропадешь, не дай Бог, еще на шестнадцать лет... (*Возвращается, обнимает его, целует.*) Умоляю, дождись меня, не пропадай?.. Ты мне нужен, Илюшечке нужен, ты нам... А я мигом, я скоро, любимый, прости... Помолись за нас, Петр, пожалуйста... (*Торопливо уходит.*)

Петр растерянно тянет руки вослед, словно растворившейся в ночи, женщине. Тишина. Внезапно обрушивается на колени – то ли рыдает, то ли молится. То ли – и то, и другое... Появляется **Илья**. Замирает, увидев отца на коленях. Уходит на кухню. **Петр**, словно почувствовав что-то, поднимается с колен, озирается, размазывает руками по лицу слезы. Одевается. Возвращается **Илья** с огромным кухонным ножом в руках. Заметив отца, прячет нож за спину.

Петр (*обернувшись, при виде сына смущенно улыбается*). Сынок, извини, я тут как бы... Вот, видишь, молился... Как бывает, однако же: я о тебе помышляю – а ты вот сам тут... Чудо чудесное тоже... Мы с Олюшкой сколько звонили тебе – а ты, вроде, не отвечал нам... Вот только буквально помчалась к тебе... Догоним, пожалуй, вот только... (*Оправляет одежду.*) Ну, что, побежали?.. (*Тревожно смотрит на сына.*)

Илья молчит.

Мать сильно беспокоилась о тебе... Уж я говорил ей: ребенок уже большой... Ребенок большой – она отвечает – всего лишь большой ребенок!.. Мать, мать... Материнское сердце, подумать – нет большего чуда в природе... А так оно есть: для родителей дети – до старости дети... Что сделаешь, так оно есть... *(С любовью разглядывает сына, тянется руками, хочет обнять – тот отступает. Петр неловко улыбается.)* У тебя как бы... Я все стеснялся спросить: никак ты подрался?..

Илья по-прежнему не отводит глаз от отца.

Это ж как получилось, что ты пропустил?.. Непорядок, защита... Защита, сынок, в нашем деле, подумать, и в жизни – первое дело... *(Принимает боксерскую стойку.)* Гляди, ты защиту построил?.. Защиту построил – потом уже все остальное... Тут принцип один – что ты в ринге, что, может, на улице с хулиганьем... *(Показывает.)* Сперва строишь стену, потом из-за этой стены атакуешь – раз-раз! *(Наносит удары по воздуху, скачет, делает нырки, одним словом, боксирует.)* Вообще, зазубри: не стоять, не зевать – и тогда не достанут... Именно – не расслабляться... Двигаться и дожидаться, пока он под тебя подставится... Вот, теперь бей!.. *(Сам резко наносит удары по воздуху.)* Еще бей, дождался момента – раз-раз!.. *(Скачет, показывает.)* Раз-раз! Раз-раз! Раз-раз!..

Илья молча стоит и смотрит на отца полными слез глазами. **Петр** останавливается, тяжело дышит, улыбается.

Я вообще, пока Бога нашел, тоже бывало дрался... До крови, случалось, без жалости... Только с годами труднее, поверь мне... Как будто **боль другого человека** тебя самого ранит... (Внимательно смотрит на сына.) Я же отец твой, сынок... Что стряслось, Бога ради?..

Илья. Маруся умирает.

Петр (растерянно смотрит на сына). Как так, почему ты молчишь?.. Это, сын, я, прости, я не думал... Помчались, сейчас мы, сейчас... (Торопится к выходу.) Беда, испытание, Господи... Так невозможно... (Что-то ищет по карманам). Погоди, где-то было, я имя еще записал... Монахиня, Соня, сестра, мы же с ней говорили... Мол, все хорошо и Маруся себя молодцом, говорила... Телефон оставляла, просила звонить, если что... И сама, если что, позвонит, обещала... (Не находит, однако.) Представь, мы на радостях с Олюшкой даже отметили как бы... (Берет сына под руку.) Поторопились, однако же, вот незадача, беда...

Илья. Отец...

Петр. Там же люди, кого-то попросим, помогут...

Илья (решительно отстраняется). Отец, я приехал решить.

Петр. Что скажешь, что надо, все сделаю, сын... Отец – хорошо так сказал... Спасибо, что так говоришь... Что решить – мы решим, обязательно просто... (Внезапно испуганно смотрит на сына.) Что решить, ты о чем?..

Илья (протягивает нож). Вот, пожалуйста, сделаем это.

Петр (пятится, бормочет). Что ты, что ты...

Илья. Пожалуйста.

Петр. Я не могу... Не могу, не могу, что ты, что ты, пожалуйста...

Илья. Надо было тогда это сделать, когда поклялись.

Петр. Нет, я, что ты, подумай, я столько... Столько лет прятался по монастырям, только бы уберечь свое дитя...

Илья. Но вы же поклялись.

Петр. Я был не в себе, понимаешь?.. Ну, да, как еще тут понять – не в себе...

Илья. Богу поклялись, отец!

Петр (*торопливо, вдруг, сбивчиво*). Я не ведал... Помилуй, я был не в себе... И только очнулся – когда ты родился... Как будто – как новое солнце взошло... Все бывшее, будто поблекло в сравнении с этим, таким незнакомым и таким невероятным ощущением... Мой сын, моя плоть, моя жизнь, я подумал...

Илья (*подступает ближе*). Но вы же за этим пришли?

Петр (*пятится, бормочет*). Видит Бог, сын...

Илья (*кричит*). Я знаю, не лгите, отец! Мне старец сказал!

Петр (*растерянно*). Что сказал?..

Илья. Что вы знаете, что надо делать, отец! Что мы оба должны это сделать, отец! (*Снова протягивает нож отцу.*) Маруся, мой сын – в чем они виноваты?

Петр (*пятясь*). Разве ты ходил к старцу?..

Илья (*со слезами*). Он сам!.. Там, в роддоме!.. Не знаю, откуда он взялся!.. Он только просил вам напомнить, что Бог тоже любил сына единственного своего!

Петр. Да, но я... посмотри на меня: я – не Бог...

Илья. Но вы в Него верите?

Петр (*потерявшись, вдруг*). Я в Него верю... Куда без Него мне, я как бы... Прости, извини, сын, не понял я: что ты сказал?..

Илья. Я спросил у вас: вы в Него верите? Вы, я спросил, верите в Него??

Петр. Верю ли я, ты спросил?..

Илья. Потому, что, вдруг, если не верите...

Петр *(вдруг, кричит)*. Верю я, верю!.. А как по-другому – не знаю!.. Как можно не верить – я верю!.. *(Внезапно выхватывает у сына нож из рук и замахивается)*. Как можешь ты мне – почему?! Почему ты спросил?! Разве я, разве ты?.. *(Роняет нож, истово крестится и молится)*. Да, верую, Господи, в Бога, Отца Всемогущего, Творца неба и земли... И в Иисуса Христа, единственного Его Сына, Господа нашего, Который был зачат Святым Духом, рожден Девой Марией, страдал при Понтии Пилате, был распят, умер и был погребен, и сошел в ад... В третий день воскрес из мертвых, восшел на небеса и восседает одесную Бога Отца Всемогущего...

Илья *решительно, собирает посуду в скатерть и уносит на кухню. Доносится звон битой посуды. Петр вдруг торопится следом – они буквально сталкиваются.*

Илья *(на глазах слезы)*. Тогда сделаем это, мы сделаем...

Петр *(тоже слезы на глазах)*. Сделаем...

Илья. Прямо сейчас, да?..

Петр. Да...

Илья. Решено – да, отец?.. По-другому никак – да, скажите?..

Петр. Никак...

Илья. Маруся, мой сын... Маруся, мой сын... *(Озирается по сторонам, что-то ищет глазами.)* Старец... Старец сказал: это все между нами... В конце-то концов, это мы испытания верой... И мы, а никто другой, на протяжении веков, в

каждом поколении поднимались на Божью гору – и всякий раз бежали оттуда, позорно спасаясь... (*Устремляется к телевизору, выдергивает электрический провод и отдает отцу.*) По написанному, Авраам связал Исаака и положил на жертвенник... (*Прыжком укладывается на стол, вытягивает обе руки.*) А чего, чем не жертвенник, да?.. Просто времени мало, а то бы еще полетели на крыльях в Иерусалим, и полезли на гору, и там... Только времени – Бог нас заждался!.. Четыре тысячи лет ждал – терпению конец!..

Петр (*упавшим голосом*). Так ты старцу поверил?..

Илья (*внезапно садится, в сердцах восклицает.*) Черт, забыл, у Исаака они за спиной!..

Петр (*растерянно*). Что у него за спиной?..

Илья. Да руки, отец!.. Я вдруг вспомнил, в музее у Рембрандта руки... Все правильно: жертва должна беззащитной... Ни дернуться чтобы, взбрыкнуть, не дай Бог, или побежать... (*Спрыгивает на пол, руки прячет за спину.*) А так вам меня не зарезать, понятно?..

Петр (*похоже, решившись, связывает сыну руки за спиной; бормочет*). Не знаю... Пожалуй, как скажешь... И все-то он знал, твой Рембрандт...

Илья. Рембрандт... Правильно ударение на первом слоге...

Петр. Это так важно сейчас?

Илья. На минуточку только представить, что вдруг он нас слышит... Тогда ему, может, обидно, что имя коверкают...

Петр. Знать бы еще, что нас слышат...

Илья. Я старца спросил, как он думает: что значит Бог?

Петр (*затягивая узел*). Невозможно понять...

Илья. Отец, не так больно...

Петр. Прости... Могу развязать...

Илья. Ничего, ладно, пусть... Нам осталось недолго, ведь так?..

***Петр,** молча, укладывает сына на столе. **Илья,** впрочем, тут же садится.*

Все возможно – другое название Бога!.. Просто Бог, он сказал, означает – что все возможно!.. А, значит, и Рембрант нас слышит, и вечная жизнь существует, и все в этом мире наполнено смыслом – все, о чем помышляем или говорим!.. (*Откидывается, закрывает глаза, лежит, ждет; тихо.*) Все не зря... хорошо... мне так нравится... Всякий звук – не пустой в этом мире: жужжание шмеля, пение птиц, крик новорожденного... Лист с дерева сам по себе – не полетит... И всему есть причина – я рад... Рад, рад, рад...

***Петр,** молча, смотрит на сына. Поднимает с пола нож, механически пробует пальцем острое лезвия. **Илья** открывает глаза.*

Я был маленьким, думал о Боге и представлял себе вас... Он на вас походил – точь-в-точь вы с той фотографии, где вы стоите на ринге с победно поднятой вверх рукой, а у ваших ног лежит побежденный...

Петр. В самом деле, случилось на ринге – я сам себя чувствовал Богом...

Илья. Я вами ужасно гордился, отец, я вас боготворил...

Петр. Интересно, тогда мне казалось, что я все могу, и казалось, что мир этот создан для меня...

Илья. Всегда о вас думал, мечтал вас увидеть... Встреча с вами всегда представлялась мне встречей с Богом...

Петр. То было время, когда я любил, был любим, не бежал от любви и, казалось – что раю не будет конца...

Илья. Я не мог вас увидеть, обнять, поговорить – и в этом вы с Ним тоже были похожи...

Монах (*приближается к сыну, озирается по сторонам, и вдруг переходит на шепот*). Я пострига не принял, признаюсь тебе одному... Сын, ближе тебя никого нет... Признаюсь, в чем даже себе самому... Иногда вдруг, причудится, будто я сам однажды Его и придумал... Что Он – это я, каково?.. Мной порожденный и мной выкормленный фантом?.. Придумал, и сам же потом стал придумывать, как мне Ему угодить?.. И как доказать свою верность?.. И что еще сделать такого, чтобы Он во мне уже не сомневался?.. И чтобы уже Он совсем во мне не сомневался – даже поклялся, что сына своего единственного для Него не пожалею...

Илья. Поверьте в Меня, Бог сказал, и будете, как Я... Я не зря у вас спрашивал... Поверьте в Него, было сказано, и поймете Его...

Монах. Для Него я готов был на все – до тех пор, пока Он от меня не потребовал сына...

Илья. А до того не придет, как старец сказал, Царствие Божие на землю... Поскольку, сказал, пока не отдашь – не получишь... Пока не поверишь, сказал он – Ангел не явится... (*Закрывает глаза.*)

Монах (*еще подступает к сыну*). Как быть, я – всего человек... Где мне столько веры набрать?.. Ночами молился в надежде услышать в ответ хоть что-то, кроме тишины... И нет у кого спросить: почему выбрали именно меня?.. (*Смотрит вверх, опускается на колени, осеняет себя крестным знамением.*) Пути Твои, Господи, как мне понять, как осмыслить?.. Где Ты – и где я, и как до Тебя

докричаться?.. Чего хочешь Ты – и чего я могу, несчастный отец, раздавленный горем?.. Смотри, я стою пред Тобой и прошу: не приведи стать убийцей сына единственного моего?.. Моих грехов не переноси на сына и детей его?.. Если так надо – меня покарай, а его пощади?.. Подай свою милость, прошу, я прошу, я прошу?.. (*Простирается ниц, рыдает; помалу стихает.*)

*Однако, доносится из тишины слабое бормотание Ильи: «Маруся, мой сын... Маруся, мой сын... Мой сын»... Между тем, Бог, похоже, молчит. Нет ответа – как нет. Наконец, несчастный отец поднимается с полу, тяжело приближается к сыну единственному своему, кладет ему руку на лицо, как это изображено у Рембрандта, и заносит над ним нож. Внезапно и ослепительно ярко вспыхнул свет и возникли голоса, подобные ангельским. Мы их сразу узнали, хотя никогда не слышали... На пороге, вся в белом, стоит **Маруся с младенцем** на руках. У нее за спиной, вся в белом, **Ольга Андреевна**.*

Email: Zlotnikov.info@yandex.ru

Zlotnikov.info@gmail.com